

Валерий Роншин

ГОЛЫЕ БАБЫ ПО НЕБУ ЛЕТАЮТ

Дождь моросил. Тир был стилизован под избушку на курьих ножках. Бабу Ягу замещал бородатый старик.

— Вы очень похожи на Федора Михайловича, — сказал я ему.

— Я и есть Федор Михайлович, — ответил он.

— На Достоевского, — уточнил я и подумал, что он сейчас скажет: «Я и есть Достоевский».

Но тут дверь отворилась, и в тир вошел прапорщик. А вместе с ним — девушка.

— Желаете пострелять? — спросил у них старик.

— Так точно! — козырнул прапорщик и обратился к девушке: — Маша, а ты не желаешь?

Маша не желала.

— Сколько у вас мишеней? — деловито поинтересовался прапорщик.

— Тридцать штук.

— А если я их все собью?

— Тогда полагается призовая игра.

— И что это значит?

— Собьете — узнаете. (ударение на А. —Т)

— Послушайте, — сказал прапорщик, — где-то я вас уже видел.

— Это же Федор Михайлович Достоевский, — сказал я.

— Достоевский умер, — сказала Маша.

— Это мы с вами умрем, а Достоевский будет жить вечно, — сказал я.

Федор Михайлович одобрительно хмыкнул.

— Где же я вас все-таки видел? — не унимался прапорщик. — Вот теперь буду мучаться, пока не вспомню.

Федор Михайлович отсчитал ему три десятка пулек.

— А тебе сколько? — обратился он ко мне.

— Нисколько, — ответил я.

— А чего?

— Да настроения нет. Я сегодня сразу две пары получил. Одну по физике, другую по математике.

— А, так ты, значит, двоечник? — сказал мне прапорщик.

— Это ничего, — рассудил Федор Михайлович. — Двоечник тоже человек.

И он отсчитал мне десять пулек.

Мы с прапорщиком принялись за мишени. Я очень скоро послал все свои заряды в «молоко». Прапорщик же метко щелкал одну мишень за другой. И быстро добрался до последней — рыжей лисички. Он уже собирался поразить и ее, но вдруг, перестав целиться, радостно воскликнул:

— Вспомнил, где я вас видел! В церкви! Вы поп!

— Так точно! — козырнул Федор Михайлович.

— То-то я гляжу — морда знакомая.

— Па-а-ша, — укоризненно протянула Маша.

— Отставить! — сам себе скомандовал прапорщик. — Извиняюсь, конечно, но это же вы были?

— Я, — признался Федор Михайлович.

— Что, выгнали? Небошь, за пьянку?

— Нет, сам ушел. На пенсию.

Прапорщик недоверчиво смотрел.

— У вас в церкви и пенсии дают?

— Как и у вас, в армии. Отслужил двадцать пять лет — получай. Еще и ценным подарком наградили за безупречную службу.

— А что за подарок?.. Библия?

— Не угадали. Сочинение Дарвина «О происхождении видов путем естественного отбора».

— Хе-хе-хе, — посмеялся прапорщик и снова начал целиться в лисичку.

БАЦ!.. ЦЗИНЬ!..

— Есть! — вскричал прапорщик.

В помещении тира пахло порохом и кровью. Три десятка жестяных зверюшек: белочек, зайчиков, ежиков и прочих наших меньших братьев и сестер — безжизненно висели вниз головами.

— Призовая игра! — торжественно произнес Федор Михайлович и сделал приглашающий жест в сторону занавески.

...Раздалось бульканье. Призовая игра началась.

— Мальчик, — громко, чтобы услышал прапорщик за занавеской, сказала мне Маша, — не хочешь прогуляться по парку?

И она взяла меня под руку. До этого я еще ни с кем подобным образом не ходил.

Мы шли. Вначале по одной дорожке парка, затем по другой.

Потом остановились.

— Ты в каком классе учишься? — спросила Маша.

— В седьмом.

— Молоденький еще, — погладила она меня по щеке. — Замерз, бедняжка.

Я и вправду дрожал... Почему мы остановились?.. А вдруг она меня сейчас поцелует?..

Но Маша неожиданно спросила:

— Какое твое самое заветное желание?

— Я хочу стать великим поэтом! — выпалил я. — Как Пушкин!

— Да-а, — протянула она. — Ты что же, стихи пишешь?

— Пишу.

— А о чем?

— Настоящий поэт пишет только о себе, — произнес я вычитанную где-то фразу. — Он свою личную боль делает общественной болью.

— Да-а, — снова протянула Маша. — Ну, почитай чего-нибудь.

Я прочел стихотворение Исикавы Такубоку. А что? Прекрасное не может быть чьим-то личным достоянием. Оно принадлежит всем. А значит, и мне.

Я прочел:

*Словно где-то
Тонко плачет
Цикада...
Так грустно
У меня на душе.*

И замолчал. Маша тоже молчала.

— Ну? — через некоторое время спросила она.

— Что — ну? — не понял я.

— А дальше?

— Все.

— Как — все?.. — Маша округлила глаза. — Это что — стихи, что ли? Да я таких миллион могу сочинить. Нескладуха какая-то.

— Дура ты! — сказал я.

— Сам ты дурак!

Мы вернулись к тиру. На крыльце нас поджидал прапорщик. В фуражке набекрень.

— Ты что, пьяный? — спросила его Маша, хотя и так было видно.

— Спокойно, Маша, — глупо ухмыльнулся прапорщик. — Я Дубровский.

— Ты не Дубровский, ты — алкаш! — голос ее звенел.

— Ой, да ладно, — кривился прапорщик. — Сама ушла куда-то...

— Да вон, — кивнула на меня Маша, — стихи мне свои читал.

— Что еще за стихи?.. — посмотрел на меня прапорщик и приказал: — А ну-ка, прочти.

Я с чувством продекламировал:

*Голые бабы по небу летят!
В баню попал реактивный снаряд!*

— Сильно, — похвалил меня прапорщик.

В дверях тира появился Федор Михайлович.

— Товарищ Достоевский, — пожал ему руку прапорщик. — Товарищ двоечник, — пожал он мне руку, прибавив назидательно: — Учись хорошо, парень. России нужны грамотные солдаты.

И они ушли.

Федор Михайлович задумчиво посмотрел на затянутое тучами небо и сказал:

— Две загадки будут постоянно волновать человечество: звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас.

ХОРЕК МИТРОФАНОВ

По дороге в школу Митрофанова окликнул какой-то алкаш.

— Купи дитю книжку. Всего за пять рублей.

Детей у Митрофанова не было. Книгу он купил — «Сказки» Андерсена.

«Вот бы с директрисой не встретиться», — мечтал Митрофанов, входя в школу.

Навстречу шла директриса.

— Третьеклассник Рогожкин плюется жеваной бумагой, — сообщила она Митрофанову. — Вчера Самохину оплевал.

Величественно удалялась...

В двух пятых Митрофанов объяснил, кто такой Маяковский. В двух шестых — кто такая Ахматова.

Хотелось спать.

После уроков Митрофанов зашел в пивную. Сел с кружкой. Напротив сидел мужик, тоже с кружкой. Это был лучший митрофановский друг. Они никогда друг с другом не разговаривали.

— Ну, как оно? — спросил вдруг лучший друг.

— Сердце покальвает, — пожаловался Митрофанов.

— Ешь изюм, — посоветовал лучший друг.

По дороге к автобусной остановке Митрофанов купил пакетик изюма. В автобусе раскрыл купленного у алкаша Андерсена. «Каждый бедный поэт, — прочел Митрофанов, — мечтает жениться на прекрасной принцессе, но каждая прекрасная принцесса мечтает не о бедном поэте, а о прекрасном принце».

Дома Митрофанов застал жену с мужчиной.

— А вот и мой Митрофанов, — сказала жена.

— Сергей Тарновский, — представился мужчина, не вставая с кресла. — Кинорежиссер.

— Сережа, а ты был на Каннском кинофестивале? — интересовалась жена.

— Пойду мусор вынесу, — сказал Митрофанов.

У помойки он встретил третьеклассника Рогожкина.

— Что ж ты, брат, в Самохину плюешь? — спросил у него Митрофанов.

— А она дура.

— Ну да, — качал головой Митрофанов. — Она дура, а учится на одни пятерки.

— А мой папа говорит, что в школе можно быть круглым отличником, а в жизни — круглым дураком.

«Прав папа», — подумал Митрофанов.

— А вы знаете, как мы вас прозвали?

Митрофанов не знал.

— Хорек.

Жена после ухода гостя вспоминала: «А ведь он ухаживал за мной в десятом классе. Сейчас бы жила в Москве, ездила бы на кинофестивали».

Ужинали. Закипал чайник. Из крана капало.

— Когда же придет этот водопроводчик? — раздражалась жена.

— А меня в школе прозвали хорьком, — старался говорить весело Митрофанов.

Весело не получалось.

— Разве я похож на хорька?

— Не знаю, — ответила жена. — Я никогда не видела хорьков.

С телеэкрана звучали крики и выстрелы.

«Вот и еще один день», — уныло думал Митрофанов.

Он раскрыл тетрадь. Каждый вечер Митрофанов делал в ней одну и ту же запись: «Пошли все в жопу!»

Ночью приснилась директриса.

Она плевала в Митрофанова жеваной бумагой.

